

ОТКРЫТОЕ СЛОВО

Какова роль классики в нашей жизни? Как влияет на развитие современного литературного процесса творческое наследие великого мыслителя и писателя А. И. Герцена, чье 175-летие со дня рождения только что отметила наша страна? На эти вопросы нашего корреспондента Г. Орехановой отвечает литературовед, член-корреспондент АН СССР Петр Алексеевич ЦИКОЛАЕВ.

АЛЕКСАНДР Иванович Герцен — одна из колоссальных фигур нашей национальной истории и культуры. В стране издано академическое собрание его сочинений в тридцати томах, около десяти фундаментальных томов «Литературного наследия» посвящены Герцену и Огареву. Завершается выпуск пятитомной летописи его жизни и творчества — уникального издания, не имеющего аналога в мировой научной культуре. Вышли в свет многочисленные монографии. Все это говорит о том, что Герцен всегда был необходим социалистическому обществу. Но, может быть, как никогда прежде, герценовские идеи, опыт его политической деятельности, его суждения о политике, истории, культуре актуальны именно сейчас.

Герцен современен по многим причинам. И, в частности, потому, что он был человеком переломного периода в истории, как бы соединив в себе две эпохи освободительного движения в России: дворянский период, где кульминацией было движение декабризма, и разночинский, демократический, где лидером был Чернышевский и его единомышленники. Он осознал эту историческую переломность и назвал ее словом, которое сейчас очень популярно, словом «перестройка». Это слово Герцен употреблял неоднократно. С переломностью, с духовной эволюцией были связаны и некоторые противоречия его сознания. Он пережил, по словам Ленина, «духовную драму» в конце 40-х годов, вызванную поражением французской революции 1848 года. Он был фигурой противоречивой по историческим причинам, но уникальность его облика состояла в том, что при всем своем драматическом движении, при всех противоречиях он оставался в принципиальных основах своего мышления и своей морали неизменным. Независимо от того, на какой стадии находились его философские взгляды, мировоззренческие искания, Герцен всегда постоянен в своих требованиях социальной правды, социальной справедливости. Его жизненная программа оставалась не только революционной по своему духу, но и высоконравственной. И этим уникальным сочетанием разных сторон мышления он — фигура на редкость цельная. Герцен бескомпромиссно и строго относился к разным политическим концепциям: как известно, наиболее популярными в 40—50-х годах прошлого столетия были две — славянофильская и западническая. Poleмика была исключительно острой. Какой же позиции придерживался Герцен в этом вопросе? Он не признавал некоторых славянофильских, патриархальных идей, но также не принимал и крайностей западников, которые подчас исключали национальное своеобразие из нашей русской истории. Герцен занимал как бы третью позицию, которую разделяли с ним Белинский, Тургенев, Грановский и которая была свободна от крайностей национальной изолированности или растворения русской истории в европейском опыте.

Но при этом Герцен радовался и постоянно подчеркивал, что в условиях той ожесточенной борьбы никто не переносил свои идейные разногласия на личные взаимоотношения, не превращал крупные исторические дискуссии в мелкие, ничтожные, групповые споры. Это были люди возвышенные в своих исканиях, и, даже поспорив очень крупно, принципиально, они собирались вместе, мирно беседовали, их отношения оставались нормальными, человеческими. Как нам этого не хватает! Как часто в наших нынешних спорах и столкновениях мы преврегаем этим умением культурных людей вести достойный диалог, переносим наши принципиальные теоретические споры в сферу личных отношений, превращая их в распри. Пример Герцена для нас — огромный нравственный урок!

Задумываясь над сутью политических разногласий западников и славянофилов, Герцен глубоко верил, что обе стороны представляют люди, воодушевленные высокими идеями блага, спасения России. Ему, как и Чернышевскому, нравилось сравнение: мы, говорили они, как двуликий Янус, смотрим в разные стороны, но сердце в нас бьется одно, безгранично преданное России. И поэтому в теоретических философских спорах обеим сторонам надо попытаться разглядеть нечто общее, размежевавшись и определившись, находить нечто соединительное, отыскивать точки сопереживания, ибо всякая критическая полемика должна иметь конструктивный, созидательный характер. Это для нас еще один нравственный урок, ибо, к сожалению, в наших нынешних идеологических, в частности литературных, спорах мы нередко встречаем-

ся с нежеланием отыскивать точки сопереживания, общие мировоззренческие позиции.

Какую же платформу находил Герцен в спорах славянофилов с западниками? Социализм.

Конечно, его социализм оставался утопическим, связанным с крестьянской общиной; в нем, как говорил Ленин, не было «ни грама социализма» в нашем сегодняшнем понимании. Но сейчас мы ведем речь не о конкретном рассмотрении самой герценовской теории социализма, а о ее нравственном аспекте, позволившем мыслителю сближать две самые крупные, культурные силы своего времени для общей борьбы на благо России. Это необычайно важный урок для нас. Ведь сегодня мы все стоим по одну сторону баррикады и поэтому должны, споря друг с другом и отстаивая свою точку зрения, помнить, что прежде всего мы боремся за торжество ленинского понимания идей социализма. К сожалению, осознание этого присуще далеко не всем нам.

В наше время, которое мы все, безусловно, осознаем как переломное, общество остро испытывает потребность в истине. Недаром сегодня, говоря о Герцене, мы вспоминаем прежде всего слово «реализм». Беспощадная истина необходима в переломные периоды истории, когда для того, чтобы определить пути дальнейшего развития государства, нужна прежде всего реальная картина положения в обществе. Сейчас, как никогда, нельзя лукавить, нельзя говорить полуправду. Сейчас нам исключительно дорого в герценовском наследии то, что он определил двумя словами: «открытое слово». Это его любимое словосочетание неоднократно встречается в разных работах.

ЧТО ЖЕ среди его «открытых слов» представляет ценность для нашей идеологии, для культуры?

Прежде всего все, что связано с идеей объединения, с диалектикой понятий общечеловеческого, общенационального. Герцен был интернационалистом, он никогда не замыкался в рамки национальной узости. Для него, как и для Ленина, непримемлема сама мысль о приоритете одной нации перед другой; все нации равны, как и все народы. В этом отношении принцип Герцена был социально конкретным, как мы сказали бы сегодня, классовым принципом. Но вместе с тем Герцен полагал, что без национальной специфики невозможно развитие мысли. Он писал, что денационализированная русская мысль конца XVIII — начала XIX века, перешитая, безынициативная, всецело подражательная, порождает произведения слабые, бесцветные, натянутые. Мы должны помнить и этот нравственный урок Герцена в наших нынешних спорах о национальном и интернациональном, общечеловеческом, социальном.

Ему принадлежит замечательное положение о том, что литература в России была политической трибуной. В нынешнем веке литература уже не играет всецело той политической роли, какую она играла в прошлом, являясь практически всем — нашей национальной моралью, и нашей историей. И все же ныне литература играет не только нравственную, эстетическую, но и политическую роль. Сейчас, когда наши писатели дают прямые ответы на социальные вопросы времени, тезис Герцена о необходимости естественной внутренней органической связи политики и художественных форм познания крайне актуален.

Зарубежным истолкователям нашего социального опыта иногда кажется, что сознательная политизация художественного творчества есть некое изобретение нашего социалистического государства, ограничение литературы политической. Но, обращаясь к опыту Герцена, мы ясно видим, что идея связи политики и литературы заложена в нашей национальной традиции, что она имеет огромные исторические корни и что на этих корнях и выросла концепция Ленина о партийности искусства, без которой невозможно представить сложные процессы, происходящие в культуре XX века.

Вот так протягиваются исторические нити от Герцена к нам, к нашему представлению о том, что искусство является учителем, пропагандистом, переустройщиком, созидателем жизни. И особенно в наше переломное время, когда мы видим, как возобладали активная субъективная сторона содержания искусства, когда писатели выступают с прямыми декларациями, выражают свою боль, обращаясь к читателю. Все лучшие произведения последнего времени — это произведения, насыщенные живой, наступательной, партийной заинтересованностью художника в разрешении тех нравственных и социальных трудностей, которые накопились в нашем обществе.

В наше время художественный опыт Герцена получает развитие, исповедальный фактор начинает играть в искусстве все более и более важную роль, появляются произведения, которые, как «Былое и думы», представляют собой сплав высокой литературы и публици-

стики. «Пожар» В. Распутина и «Плаха» Ч. Айтматова действительно заставляют вспомнить о пафосе герценовского «открытого слова». Я думаю, и в этом смысле наши писатели явились прямыми продолжателями дела Герцена.

Особенно важное значение для нас сегодня имеет общегосударственное и общенациональное понимание Герценом патриотизма. Я хотел бы подчеркнуть это особо. Его патриотизм — это патриотизм мыслителя, человека, который ратовал за беспощадную истину. Как постоянно подчеркивал писатель, патриотизм — это сознательная любовь к Отечеству, а не инстинктивное, стихийное, заложенное в интуицию чувство к Родине. Он утверждал, что любовь к Отечеству должна основываться на знании правды, осознании погрешностей, которые есть в нем, и жесткая правда есть элемент сознательной любви к Родине. Это исключительно ценно для нас, для нашего понимания того, как надо жить.

Очень дорого для нас и необыкновенно актуально герценовское понимание народности. Он, как и его соратники, был убежден, что истинная народность не во внешнем любования обычаями, бытом, нравами. Народность, утверждал он, — это такое состояние, при котором все твои клетки, весь твой организм, все частички твоей души слиты с общим народным потоком, с народной жизнью: «Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу, я работаю для него и он работает во мне». Это слова Герцена. Помнить их чрезвычайно важно для нас сегодня.

К числу наиболее современных черт герценовского мировоззрения отношу его стремление, постоянно реализовавшееся им в его работах, — утвердить, возвысить человека в истории. Да, Герцен не был историческим материалистом. Именно в этом в первую очередь и увидел Ленин его драму. Герцен остановился перед историческим материализмом и поэтому в полной мере не смог объяснить роль народа в истории. Но для нас важно сегодня его понимание личности в истории, его мысль о возвышенной роли каждой отдельной личности, которая состоит в естественной потребности человека посвящать себя, свою жизнь служению народу. Он считал это естественной внутренней потребностью гармонически развитого человека. По его мнению, естественное состояние души — это потребность сопереживания поступков отдельного человека с интересами всего государства, всего народа. Гармоническое объединение человека и общества. Не есть ли это то понимание сути «человеческого фактора», которое так важно для нас сегодня? В этом мне видится еще один величайший урок Герцена. Его убеждение, что судьбы национальные, судьбы государственные, судьбы народов зависят от конкретной личности, выражено в замечательной формуле: «будущность людей и народов зависит от нас с вами».

В ОТ ЭТА формула «от нас с вами» сегодня звучит необычайно актуально. И разве не поразительно, что об этом говорил и Герцен!

Конечно, Герцен допустил не одну теоретическую ошибку, и Маркс имел все основания критиковать его за это. Но в то же время мы знаем, что, оценивая ту или иную историческую личность, мы должны судить не по тому, что она не сделала, а по тому, что привнесла нового по сравнению с тем, что было. И в этой связи следует заметить, что в конце жизни, обратив взоры к Интернационалу и пролетариату, Герцен говорил: будущее — это исключительно развитие духовной культуры, это такое развитие человечества, при котором не будет культа физического, материального существования. И в этой своей позиции он солидарен с лучшими философскими теоретическими умами прошлого. Он «встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». Так оценил Герцена Ленин.

«Горе бедному духом и тощому художественным смыслом перевороту, который из всего былого ижитого сделается скучная мастерская, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании, и только пропитании. Но этого и не будет». Вот слова Герцена. Они близки и гуманистической концепции Горького, который ратовал за гармоническое развитие человеческой личности.

Как мы видим, в этом отношении Герцен оказался пророком. Его письма в Россию, статья в «Колоколе», «Полярной звезде» пропитаны наряду с болью за положение народа в царской России верой в торжество разума, пророцеством высочайшего духовного возвышения человека будущего. И мы, провозгласившие принцип гармонического развития человека при социализме, чрезвычайно дорожим этим высоким пророчеством нашего великого соотечественника.

«Он поднял знамя революции», — сказал о нем Ленин. Поэтому великое наследие, оставленное нам революционным мыслителем и писателем, — живое, оно активно работает на сегодняшний день, на Будущее...